Андижон давлат университети олимлари олиб бораётган илмий тадқиқотларнинг хорижда ҳам мутахассислар эътиборга тушиб, ижобий баҳоланаётгани қувонарли ҳолдир. Жумладан, Ўзбекистон тарихи кафедраси оимларининг профессор Р.Т.Шамсутдинов раҳбарлигидаги изланишлари маҳсули ўлароқ яратилган илмий ишларга Россия Федерациясида чоп этилувчи "Отечественная история" (2007, №6), "Отечественные архивы" (2009,№3) журналларида тақризлар эълон қилинди. Қуйида шулардан бири, Россия Федерацияси ФА Россия тарихи институтининг етакчи илмий ходими, тарих фанлари доктори, профессор В.Н.Земсков билан университетимиз доценти Э.Юсупов ҳуммуаллифлигида "Отечественная история" журналида чоп этилган тақризни кўчириб бермоқдамиз.

Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка, 1929-1955 гг.: Документы и материалы. В 3 т. (Сост.: Р.Т. Шамсутдинов, Б.М. Расулов. Редкол.: Д.А. Алимова (отв.ред.) и др. Ташкент: Шарк, 2006. Т.1. 656 с. Т.2 496 с. Т.3.352 с.

Изучение процесса насильственной коллективизации, раскулачивания и их трагических последствий для жизненных судеб многих сотен тысяч крестьян входит в число наиболее актуальных проблем в историографии не только Российской Федерации, но и всех других бывших союзных республик СССР, ныне независимых государств.

По этой теме в советский период, особенно в 1960-1980-х гг. вышли в свет монографии и фундаментальные коллективные труды[1]. Многочисленная литература тех лет, в том числе статьи в журналах, ученых записках и т.д. отражена в библиографических указателях[2]. Основным её недостатком являлась ограниченность источниковой базы. В архивах выдавались только документы, не имевшие грифа «секретно» или «совершенно секретно». Выпадали из сферы исследований многие источники, отражавшие деятельность партийных и государственных органов, совершенно недоступными были архивы органов ОГПУ-НКВД. К тому же рассматриваемая проблема относилась к числу наиболее политизированных.

В постсоветское время в ряде регионов бывшего СССР уже вышли в свет документальные сборники по коллективизации и раскулачиванию с обилием рассекреченных документов[3]. Подобного рода изданием является и рецензируемый трёхтомник, подготовленный преимущественно на материалах бывшей Узбекской ССР.

Над его изданием работали действующий в Узбекистане благотворительный фонд «Шахидлар хотираси» («Памяти жертв репрессий»), созданный в 2001 г. в Андижане благотворительный фонд «Мерос» («Наследие»), институт истории АН Республики Узбекистан и кафедра истории Узбекистана Андижанского государственного университета им. Бабура.

Сборник состоит из пяти разделов: «Насильственная коллективизация и антиколхозное движение дехканских масс»; «Что такое раскулачивание и как оно проводилось»; «Депортация дехканских семей»; «Трудовые спецпосёлки»; «Судьба сосланных кулаков». Издание снабжено перечнем публикуемых документов, списком сокращений и аннотированным именным указателем.

Впервые в историографии Узбекистана было осуществлено сплошное выявление документов по заявленной тематике в центральных и местных архивах республики, а также Российской Федерации и Украины. Основная их часть ранее не публиковалась. Составители использовали и опубликованные источники, например, для установления имен среднеазиатов, призванных во время Великой Отечественной войны в Красную армию и погибших в боях[4]. Документы и материалы, представленные в книге отражают весь спектр событий коллективизации, раскулачивания, ссылки. В свете этого можно говорить о представительности выявленного комплекса документов для объективного отражения различных аспектов этой проблемы.

В условиях Средней Азии особого внимания, взвешенности и такта требовала аграрная политика. Значительная часть опубликованных в трехтомнике документов позволяет понять политические и экономические реалии среднеазиатского региона 20-30–х. гг. XX в. Источники вводят читателя в конкретную обстановку того времени и дают обстоятельную характеристику деятельности в период сплошной коллективизации Политбюро ЦК ВКП(б), Средазбюро ЦК ВКП(б), ЦК КП(б) Узбекистана, органов ОГПУ в Средней Азии, финансово-хозяйственных организаций.

Свертывание нэпа в конце 1920-х гг. привело к разрушению складывавшейся в стране системы кооперации. В начале 1930-х гг. партия взяла курс на форсированную коллективизацию сельского хозяйства. Колхозное строительство в республиках стало осуществляться кампанейскими методами. Средазбюро ЦК ВКП(б) постановлением от 26 января 1930 г. объявило районы сплошной коллективизации и ликвидации кулачества в крае. 30 января оно запросило по

телеграфу согласия Политбюро ЦК на реализацию этой программы. И.В.Сталин и В.М.Молотов в ответной телеграмме осудили попытку перенесения темпов коллективизации в центральных районах СССР на районе Средней Азии, ее форсирование сочли необоснованным, подчеркнув важность и необходимость продуманного подхода в отношении каждого экономического района (док.№13). На практике в Средней Азии, как и по всей стране, осуществлялся насильственный «загон» крестьян в колхозы, сопровождающийся грубейшими нарушениями имущественных прав сельского населения. Подобная политика вызвала резкое обострение политической обстановки не только в Средней Азии, но и в целом по Союзу. Ускоренное создание колхозов оказалось на грани краха. Оно привело к массовым волнениям сельчан, которые в ряде мест переходили в восстания. Начался массовый выход дехкан из колхозов. Партийная организация Узбекистана в дальнейшем стала проводить коллективизацию медленными темпами, по мере готовности к ней бедняцко–середняцких масс с учетом экономической и социально–политической обстановки в каждом районе (т. 1. с. 250.258-261).

В сборнике представлен первичный статистико-экономический анализ вступления дехкан в колхозы. На 1 сентября 1930 г. колхозами были охвачены 229 тыс.(27.5%) хозяйств республики. Число образованных колхозов составляло 3524, из них 94 % - на уставе сельхозартели. На 1 декабря 1930 г. по сведениям 76 районов было организовано 1638 новых колхозов с охватом 40-140 хозяйств (док. № 84). На 20 июня 1931 г. в 13 районах сплошной коллективизации было создано 2315 колхозов, в 24 районах – 3253 колхоза (т.1.с. 118).

Политика коллективизации вылилась в силовую модернизацию традиционной структуры аграрного социума Средней Азии, в результате чего дехканство познало величайшую трагедию – раскулачивание, депортацию, голод и смерть десятков тысяч людей, тяжелую жизнь вдали от Родины. В сборнике содержится большая группа документов, относящихся к этим проблемам: инструкция о выселении кулацко–байских элементов из Средней Азии; информационные сводки о ходе работ по коллективизации; докладные записки об итогах ликвидации кулацких хозяйств и членов их семей, намеченных к выселению; докладные записки уполномоченных ЦК.

Власть сконструировала группу «кулачества» для устранения потенциальных и реальных политических противников аграрной политики. В силу этого наиболее правильным представляется, на наш взгляд, выдвигаемое российскими исследователями понятие кулачества как «социальной группы крестьян, подвергшейся ограничениям и репрессиям по политическим мотивам»[5].

В материалах сборника представлены подборки рассекреченных нормативных и правовых актов, послуживших основанием для проведения политических репрессий, справки о ходе коллективизации и противодействии ей кулачества в национальных республиках, антисоветских проявлениях в связи коллективизацией и раскулачиванием (док. № 106-110,114,116,118,120-125, 128, 131-133,143,177-181,194-201 и др.).

Раскулачивание означало лишение дехканина всех гражданских, конституционных, в первую очередь избирательных прав. Оно осуществлялось путем внесудебных рассмотрений дел репрессируемых так называемыми «тройками», состоявшими из секретаря райкома партии, председателя райисполкома и руководителя местного ГПУ и прокуратуры. Одной из мер давления на зажиточные слои населения являлось также повышенное налогообложение. В сборнике имеются сведения, выборочно отражающие осуществление названных способов преследования кулаков (док.№ 20,21,24,130,134,137,139,140,155,177, 194-204,206).

В документах находит подтверждение мнение известной исследовательницы истории ГУЛАГа Г.М.Ивановой об особенностях советской репрессивной системы, основывавшейся, как правило, не на законах, а на секретных инструкциях, дополнениях и комментариях, которые чаще всего исходили от органов, не обладающих никакими законодательными правами[6]. Решения о политических репрессиях принимали руководители ВКП(б) и ОГПУ, нередко оттесняя органы юриспруденции или вмешиваясь в их компетенцию.

Документы сборника отражают создание и введение в действие командно-репрессивной системы, использование властями чрезвычайных мер, проявление на местах «головотяпства и перегибов» (док. № 5,22,27-30,31,35,48-51,65-66,68-69,78-79,129,131,142,151-154,174,186-188, 251, 253, 276 и др.). жесточайшей репрессией и по форме, и по существу было раскулачивание по «второй категории», завершавшееся выселением дехканских семей в необжитые районы страны, в спецпоселения. Организация спецпоселений означало создание второй системы концлагерей, не столь жестокой по условиям труда и быта как ГУЛАГ, но фактически единой с ней.

Особый интерес в сборнике представляют документы, показывающие борьбу дехкан против произвола и насилия. По ним можно проследить ход «кишлачной контрреволюции» (определение самих большевиков) в селах и аулах региона (док. № 22,27-28,31-32,34-35,129,131 и др.). Сталинский тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму позволял теоретически «обосновывать» массовые репрессии в стране. Они привели к ликвидации не только «как класса», но и физически большого числа талантливых сельских тружеников, торговцев, священнослужителей и верующих, всех тех, кто являлся, по мнению властей, «социально-чуждым элементом». Массовая депортация раскулаченных началась сразу же после принятия постановления ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. В нем фактически впервые была изложена программа принципиально нового отношения к крестьянству, широкого применения репрессии в деревне. Весной 1930 г. «обобранные» тройками кулацкие семьи были сосланы в Сибирь, Урал, Северный Кавказ, на сооружение Беломорканала.

Новая волна депортаций в республиках Средней Азии фактически развернулась в середине марта 1931 г. Выселение производилось с 20 марта по 25 апреля и с 10 мая по 18 сентября 1931 г. В июле-августе было санкционировано выселение кулаков и баев из Средней Азии (6 тыс. семей). В 1931 г. выселение проводилось в Ставропольский край, Херсонскую обл. Украины. Раскулаченные из Ферганской долины, Самаркандской, Бухарской, Сурхандарьинской областей и 15 районов (700 хозяйств) из Таджикистана были «расквартированы» в Арзгирском, Дивенском, Прикумском районах Ставрополья. Значительная часть среднеазиатских «кулаков и баев» была выселена в созданные в самом крае специальные трудовые поселки-совхозы «Баявут», «Савай», «Булунгур», «Учкурган», «Дальверзин», «Хазарбог», «Норин» и др. – всего 25, в 1937-1938 гг., как свидетельствуют документы, основным объектом репрессии оставалось крестьянство и против него была направлена самая массовая «кулацкая операция» по приказу № 00447 народного комиссара внутренних дел Н.И.Ежова.

В разделе «Трудспецпоселки» представлены документы, свидетельствующие о тяготах ссылки, каторжном труде спецпереселенцев вдали от родины, безмерных страданиях, которые приходилось переносить депортированным. Приведены статистические данные о количестве спецпоселков и трудпоселков, сведения о бежавших и задержанных спецпереселенцах, докладные записки по решению хозяйственно-бытовых и производственных вопросов ГУЛАГа, материалы обследования среднеазиатских лагерей ОГПУ. Документы повествуют о судьбе десятков тысяч дехкан, заключенных в спецпоселения в необжитых районах страны, об их гибели от голода и принудительного труда.

Благотворительным фондом «Мерос» неоднократно организовывались экспедиции в Алматы, Астану, Кокчетав, Самарканд, Термез, Навои, Бухару, Ургенч, Фергану, Наманган с целью выявления новых документов по данной проблеме. В результате были установлены имена многих репрессированных дехкан, сосланных в отдалённые края и там вторично ставших жертвами репрессий. Экспедиции состоялись также в Москву, Киев, Херсон, Николаев. В сборнике приводится масса справок, обвинительных заключений, приговоров, обнаруженных в различных архивах Росси, Украины, Казахстана и Узбекистана.

В заключительной части трехтомника нашла отражение история реабилитации дехкан, репрессированных по политическим мотивам.

Насильственная коллективизация и раскулачивание были настоящей войной, объявленной крестьянству советским режимом. Они привели к изменению всей инфраструктуры Средней Азии, уничтожению зажиточного крестьянства.

Давая рецензируемому изданию, безусловно, положительную оценку, мы не можем обойти молчанием отдельные неясности.

Так, нельзя согласиться с фактическим игнорированием документальных публикаций по данной проблеме, издававшихся в советское время, предавать забвению большой позитивный вклад исследователей советского периода по сбору, систематизации, анализу доступного тогда материала. В 1980 г. вышел в свет сборник документов по коллективизации сельского хозяйства Узбекистана[7], но он даже не упомянут в историографической части 1-го тома рассматриваемой публикации. Между тем, по нашему мнению, его следовало бы сравнить с рецензируемой работой, показав принципиальные различия этих двух изданий.

Не вполне корректным выглядит упоминание о переселении в 1906-1912 гг. в ходе столыпинской аграрной реформы в Туркестан 438 тыс.крестьянских семей из центральной России

в одном контексте с кампанией «Лицом к деревне» в маоистском Китае, тотальной депортацией городского населения в полпотовской Кампучии, угоном миллионов людей на принудительные работы в фашистскую Германию из оккупированных ею стран и иными подобными акциями.(т.2.,с.3) Столь же странной является архивная сноска (ЦГА РУз.ф. 837, оп.д. 311.д.51 – т. 2. с 323-324) на давно известное в литературе постановление ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством».

Указанные замечания тем не менее не влияют на общую положительную оценку документального сборника «Трагедия среднеазиатского кишлака», представляющего собой очень ценный исторический источник по проблемам коллективизации и раскулачивания.

В.Н.Земсков, доктор исторических наук (Институт российской истории РАН), Э.Ю.Юсупов, кандидат исторических наук (Андижанский государственный университет, Республика Узбекистан)

Примечания

[1] Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; его же. Советская колхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М, 1977; Ивницкий Н.А. Классовая борьба в деревне и ликвидация кулачества как класса. 1929-1932 гг. М., 1972; Зелени И.Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток 1928-1941. М., 1982: История советского крестьянства. Т.2.Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927-1937. М., 1986: и др.

2 См., напр.: История советской деревни (1917-1967): Указатель литературы (1945-1967 гг.) Вып. 1-4. М., 1975.

3 Из истории раскулачивания в Карелии.1930-1931 гг. / Сост.: Л.И.Дражданович, А.Ю.Жуков, В.Г.Макуров и др. Петрозаводск, 1991; Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.) / Отв. ред-сост.: В.Васильев, Л.Виола.- Винница, 1997; Рязанская деревня и 1929-1930 гг. Хроника головокружения / Отв. ред. сост.: Л.Виола, Т.Макдоналд, С.В.Журавлев, А.И.Мельник.- М.: Торонто, 1998: и др.

4 Книга памяти Украины. Херсонская область. Херсон. 1995 гг. Книга памяти ставропольцев, погибших в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Ставрополь. 1999-2001: Воинские захоронения в Ставропольском крае. Ставрополь. 2000.

5 См.: Доброноженко Г.Ф. Дефиниции понятий «кулак» и «сельская буржуазия» // Политические репрессии в России. XX век: Мат-лы региональной научной конференции. Сыктывкар, 7-8 декабря 2000 г. Сыктывкар. 2001. С. 55.

6 Иванова Г.М. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997. С. 58.

7 Сплошная коллективизация сельского хозяйства Узбекистана (1930-1932 гг.): Сб. док-тов. Ташкент. 1980.